

Виктор
Соснора

В честь
присуждения
Российской
национальной
премии
«Поэт»

ПОЭТ

*Общество поощрения
русской поэзии*

Ф о н д
«Энергия будущего»

*Виктор
Соснора*

В честь
присуждения
Российской
национальной
премии
«Поэт»

2 0 1 1

Российская национальная премия «Поэт» была создана Обществом поощрения русской поэзии при поддержке РАО «ЕЭС России» в апреле 2005 как награда за наивысшие достижения в современной русской поэзии. Учредителем премии является Общество поощрения русской поэзии. Постоянным партнером премии было РАО «ЕЭС России». С 2009 года эта роль перешла к Фонду «Энергия будущего».

Согласно статусу премии, ею могут быть награждены ныне живущие поэты, пишущие на русском языке, безотносительно к их национальности и месту проживания. Премия может быть присуждена одному лицу только один раз. Разделение премии между двумя или более лауреатами и присуждение премии посмертно не предусматривается.

Право номинации (выдвижения на соискание премии) принадлежит членам Попечительского совета Общества поощрения русской поэзии, созданного по инициативе группы литературных критиков и литературоведов. В состав Попечительского совета входят также лауреаты премии «Поэт» прежних лет.

Имя лауреата определяется тайным голосованием жюри, состоящего из членов Попечительского совета либо формируемого по его решению.

Лауреату премии «Поэт» вручаются диплом, нагрудный знак и денежное вознаграждение, сумма которого эквивалентна 50 000 долларов США.

Помимо присуждения Российской национальной премии «Поэт» Общество поощрения русской поэзии ведет широкую деятельность по привлечению общественного внимания к современной поэзии.

Виктор Соснора

ШЕОЛ

ПОЭЗИЯ И ПОЭТИКА

Да простится мне, я буду говорить не о поэзии, а о поэтике. Поэзия — слишком широко употребляемый термин, поэзия — это всё: и природа, и впечатления, и любовь, и сны, и явь, и скорость, и солнце, и тьма — можно перечислять без конца, и словесность, и немота, и т. д. и т. п., в общем — гуляй, душа, лишь бы было что за душой.

Поэтика — термин намного уже, это стихи, не что и о чем, а как написано. И тут мы сталкиваемся с парадоксом: вроде бы чьи-то стихи захватывают, так сказать, душу, щекочут нервы, вызывают смех и слезы, а закрываешь книгу — и как будто ничего не читал.

Небольшое отступление.

Советское общество в сталинском понимании не могло дать «я», а «мы» превратилось в, так сказать, поэтическое мычание. О поэтике советских поэтов не могло быть и речи, царила поэзия рабского труда.

Тридцать лет я вел в Ленинграде разные ЛИТО, их было, кажется, не меньше десяти.

Зачем приходили юные поэты? Кто-то внушил им, что на ЛИТО они научатся писать стихи. Научились? Нет. Пошли на филфак. Научились? Нет. Мечта советской и постсоветской интеллигенции о том, что можно научить кого-то искусствам, не сбылась. Нельзя.

Я бы очень осторожно употреблял термин «поэзия». В моем словаре вообще такого термина нет. Но, читая эту современную «поэзию», я обнаруживаю, что в этих рифмованных или же безрифменных текстах что-то незаметно «поэзии», — это в основном зарифмованные или верлибровые рассуждения на моральные, бытовые или полуполитические темы. И вообще, этот термин «поэзия» неприменим сегодня. Да и всегда.

Термин «поэзия» — это самовыражение и проч. и проч.

Если поэт интересен ритмически, значит, им пойман ритм своего организма. Ритм, а не «мысль» — мысль оставим философам. И истинная проза

должна быть ритмична. Недаром Гоголь назвал свои «Мертвые души» поэмой. Если нет ритма в писанине, то это не проза, а беллетристика.

Что же в таком случае эта пресловутая «поэзия»?

Думаю, что это явление скорее генетическое, а отнюдь не литературное. Скорее, это явление паранормальное, а отнюдь не объяснимое. Я говорю о больших поэтах, а не о хороших и разных, этих несметно, а заметных — единицы. К заметным я мог бы причислить, скажем, Пушкина, имеющего в предках арапа Ганнибала, результат — сам Пушкин и его брат Лев, и его учитель Батюшков.

Батюшков имел двух братьев и дядю, и они вышли из «нормальной» жизни в «паранормальную» — все четверо, только трое не писали стихов, а Батюшков писал.

Мне кажется, что русской литературе пора выходить из аморфных определений так называемого творчества к практическим определениям, что давно сделано западной литературой. То есть от ханжества к реальности. Ханжество — это общественные взоры на литературу, а реальность — это резко индивидуальная постановка «Я». Я-ритмика.

Мы еще не умеем быть собой, то есть давать себе отчет — что и откуда. Честный отчет. А стоило бы, но мешает мелочь — быт. Чрезмерно бытовой взор на окружающую жизнь и на себя. Не проще ли отбросить эту мелочь к Батюшкову. Не надо удивляться паранормальным явлениям, а в простонародье «безумиям», скажем прямо, гениев. В искусствах это дело обыденное. Скажем, столь ценимый в советское время Хемингуэй был из этой плеяды паранормальных, а до него — Флобер, его ученик Мопассан, японец Акутагава, Вирджиния Вулф и т. д.; а у нас: Хлебников, Маяковский, Цветаева, Мандельштам, то есть целая плеяда «паранормальных» гениев.

Резонный вопрос: что же делать нормальным поэтам?

А ничего. Жить в своем уютном нормальном обществе и вкушать плоды этого общества.

Точка.

А за точкой: жить так, как пишут на TV рекламу:

— Доширак — с любовью!

А п р е л ь 2 0 1 1 г о д а

СТИХИ

ШЕОЛ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Обращение

Десять книг
да в степи
да в седле,
десять шей и ножей отвидал.
«Подари мне еще десять лет», —
отписал.
Ты семнадцать отдал.

Отнял степь
да седло
да жену.
Книги вервьем связал. Не листал.
Отгял шеи —
оставил одну.
Ночью каинств и ламп не лишал.

Что мне делать с ней, шейей, с ножом?
Я не раб,
я не враг,
бой не бью.
Бог с тобой, если Именем — нам:
отдал — отгял и...
Благодарю.

Где ж я был? — В сталактитах у скал?
Через семнадцать вернулся. Я — тот.
Те ж народы... Никто не узнал,
для ВЕРХОВНОГО ЧАСА — никто.

Те дары не расплавлю кольцом.
Не жалею у ножа,
ожидай.
Дай два ока — закроюсь лицом.
Если
 есть
 во мне, —
не оживляй.

Дай два Огня,
 два Зверя,
 два Дня.
Две волны,
 двойню губ
 да весло.
Не удваивай в Доме меня.
Забирай под забралом, —
и всё.

РОГНЕДА

На Днепре
апрель,
на Днепре
весна
волны валкие выкорчевывает.
А челны
черны,
от кормы
до весла
просмоленные, прокопченные.
А Смоленск
в смоле,
на бойницах
крюки,
в теремах горячится пожарище.
У Днепра
курган,
по Днепру
круги,
и курган
в кругах
отражается.
Во курган-
горе
пять бога-
тырей,
груды в шрамах — военных отметилах,
непробудно спят.
Порубил супостат
Володимир родину Рогнедину.

Прослезился князь,
преподносит — на! —
скатный жемчуг в бисерной сумочке.
Но челны
черны,
и княжна мрачна,
только очи
ворочает
сумрачно.

плещет

КАЛИКА

Посох тук-тук...
Плетется калика,
посох тук-тук...
в портянках плетеных,
посох тук-тук,
стихарь да коврига,
посох тук-тук,
у калики в плетенке.

За плечом
летописные списки
о российских
ликующих кликах.

Напевая
стишок
византийский,
вперевалку
плетется калика.

Над каликой
гогочут вприсядку
дядьки-ваньки
и девки-нахалки,
и кусают
калику за пятки
шелудивые псы-зубоскалы.

Посох тук-тук
по сухому суглинку,
посох тук-тук
по кремнистому насту.
Непутево
плетется калика.
Ничего-то
калике не надо.

Из «ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН БОЯНА»

* * *

Я всадник. Я воин. Я в поле один.
Последний династии вольной орды.
Я всадник. Я воин. Встречаю восход
с повернутым к солнцу веселым
виском.

Я всадник. Я воин во все времена.
На левом ремне моем фляга вина.
На левом плече моем дремлет сова,
и древнее стремя звенит.

Но я не военный потомок славян.
Я всадник весенней земли.

* * *

В твоих очах, в твоих снегах
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я — солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бренчанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья.

— Нас океаны зла зальют... —
О, не грози мне, не грози мне!
Я твой солдат, я твой салют
очей, как небо, негасимых.

Каких там, к дьяволу, услад!
Мы лишь мелодию сложили
про то, как молодость ушла,
которой, может быть, служили.

* * *

я лишь просил: не нужно! не удержим!
не разбивайся, жено, о талант!
не отнимай последнюю надежду! —
Не отняла.

о отступись! — просил. Ты отпустила.
отдай в ответы даты! — Отдала.
не мсти хоть за спасибо! — Не отмстила.
Оберегла.

увел тебя у воли твой Сусанин.
Ничье нечестье не звучит за мной.
Хлеб-соль хорош. Что ни с людьми — с сердцами.
Земля — землей.

я пью вино, отпущенник в тиаре,
пишу на Лире, в пульсе быстрота,
как будто басни, а не бестиарий...
Как без тебя.

* * *

Спи, ибо ты ночью ничья,
даже в объятьях.

Пусть на спине спящей твоей
нет мне ладони.

Но я приснюсь только тебе,
даже отсюда.

Но я проснусь рядом с тобой
завтра и утром.

Небо сейчас лишь для двоих
в знаках заката.

Ели в мехах, овцы поют,
красноволосы.

Хутор мой храбр, в паучьих цепях,
худ он и болен.

Мой, но не мой. Вся моя жизнь —
чей-то там хутор.

В венах вино. А голова —
волосы в совах.

Ты так тиха, — вешайся, вой! —
вот я и вою.

Хутора, небо, хранитель от правд, —
правда — предательств!

Правда — проклятье! С бредом берез
я просыпаюсь.

Возговори, заря для зверья, —
толпища буквиц!

Небо, отдай моленье мое
Женщине, ей же! —

тело твое — топленая тьма,
в клиньях колени,

кисти твои втрое мертвы,
пятиконечны,

голос столиц твоего языка —
красен и в язвах,

я исцелил мир, но тебе
нет ни знаменья.

Жено, отыдь ты от меня, —
не исцеляю!

* * *

Я оставил последнюю пулю себе.
Расстрелял, да не всё.
Да и то эта пуля, закутанная в серебре, —
мой металл, мой талант, мой — дитё.

И чем дальше, тем может быть больше больней
это время на племя менять.
Ты не плачь над серебряной пулей моей
мой не друг, мой не брат, мой — не мать.

Это будет так просто. У самых ресниц
клюнет клювик, — ау, миражи!
И не будет вас мучить без всяких границ
мой ни страх, мой ни бред, мой — ни жизнь.

Ты, близлежащий, женщина, ты враг
ближайший. Ты моя окаменелость.
Ау, мой милый! — всесторонних благ
и в «до свиданья» — веточку омелы!

За ласки тел, целуемых впотьмах,
за лапки лис, за журавлиный лепет,
за балаганы слез, бубновый крах,
иллюзии твои, притворный трепет, —

ау, мой мститель! Мастер мук, ау!
Все наши антарктиды и сахара —
ау! Листаю новую главу
и новым ядом — новые стаканы!

За ладан лжи, за олимпийский стикс,
за ватерлоо! за отмену хартий!
за молнии — в меня! О, отступись,
оставь меня, все — хорошо, и — хватит.

Змеиный звон! — за землю всех невест
моих и не моих еще, — пью чашу,
цикату слез! Я не боюсь небес,
их гнев — лишь ласка ненависти нашей.

Униженный и в ужасе с утра,
как скоморох на жердочке оваций...
О, отступись, еще дрожит струна,
не дай и ей, последней, оборваться.

* * *

Храни тебя Земля, мой человек,
мой целый век, ты тоже — он, один,
не опускай своих соленых век,
мой человеческий невольник-сын,

и сам с собою ночью наяву
ни воем и ничем не выдавай,
пусть сыну негде преклонить главу,
очнись и оглянись — на море май,

на море — мир! А миру не до мук
твоих и не до мужества — ничьих.
Сними с гвоздя свой колыбельный лук,
на тетиве струну свою начни!

И знай — опять воспрянет тетива,
стрела свершится, рассекая страх,
коленопреклоненная трава
восстанет, а у роз на деревьях

распустятся, как девичьи, глаза,
а небо — необъятно вновь и вновь,
а нежная распутица-гроза
опять любовью окровавит кровь!

И ласточка, душа твоих тенет,
взовьется, овевая красный крест,
и ласково прошепчет в тишине:
— Он умер (сам сказал!), а вот — воскрес!

ГАМЛЕТ

Триптих — Отчизна, Мать и Жена — не дано.
Лицо на цепи, Копыто Китая, центавр, — где
курс кораблю?

Сердце — «десятка», сутана и цель
(ну давай, я — давно!).
Три розы в бокале у Бога, — я говорю!

Роза — герб соловья — я расстрелял ребус
страниц.

Роза — белизна свадеб — я растлил, Гамаюн.
Третья не требуется: монастырь у мокриц...
Три розы в бокале у Бога, — я говорю!

Зачем из мультиметалла меня Ты, «меч аз»?
Почему — часовой у меча — я губами
(не тронь!) — творю?
Так выпьем за выстрел, за сорок в бокале
глаз!..
Три розы в бокале у Бога, — я говорю!

Три раза в Байкале... Но если и ересь
с ним... —
Ландыш Невест — Но бульварщина букварю.
БОГ МЕНЯ НЕ ЛЮБИЛ И НЕ ВЗЯЛ
МОЛОДЫМ.
Три розы в бокале у Бога, — я говорю!

Я не хочу на карту звездной ночи,
закопанный, хоть это ни к чему,
по мне идут империи и ноги,
я слышу орудийные шумы.

Я вижу воздух, молнии паденье,
я вижу спички вспыхнувших комет,
я мог бы выйти, но куда пойду я,
я мог бы петь, но в голосе комок.

Зачем мне тазобедренные кости,
и череп, и цветы посмертной лжи,
вот две ноги лежат, как водостоки,
при жизни я не помню, чтоб лежал.

А если и, то и не на Сиренах,
мне девять Муз не пачкали чело,
и сколько, карий, глаз я трогал синих,
земные ню, — несметно их число.

Я не таился, как фонарь секретный,
я шел по Солнцу, освещая грязь,
а тут чужие шепчутся скелеты,
что на плите моей золотая вязь.

Ваш Шар замерзнет, выключен, потухнет,
меня завидя в прорезях Пяти,
и Бог уйдет в магнитные потоки,
скользя по пражкам Млечного пути.

Как ноль, посудомойщик Мироздания,
в светящейся нейтринной пелене,
уйдет, оставив с пальчиком мизинчик
с навинченными кольцами планет.

И убежит, как бешеный, за ширмы
закройщик глин и прочих униформ,
и каждый шаг, увешанный Шарами,
звонит, как алкоголем, у него!

Я говорил, сожгите это тело,
снимите имя с книг и что о них,
я буду жить, как пепельное эхо
в саду династий автор-аноним,

где, может быть, не всё и голубое,
но не склоняют ветви дрожи ив,
где нет ни чугуна над головою,
ни пальцев, указательных, как Вий.

Здесь льется кровь людей, как водопады,
и серый снег всеобщих метастаз,
я не хочу ни в Ямбы, ни в Адепты,
где, что ни встречный, смертник и мутант.

Я жил уже, у индов пересмешник,
и повторим, как метеор на Мир,
я жду агон, чтоб выйти перед смертью
туда, где нет ни Я, и ни Меня.

ANNO IVA

фрагменты

Вода, движущаяся в реке, или
призывается, или гонима, или
движется сама. Если гонима — кто
тот, кто гонит ее? Если
призывается, или требуема, — кто
требующий?

Леонардо да Винчи

1

На свете нету святости, а Муз
не моют ромом, к ужину косули
на огонек не жду. У звезд звонарь,
спит месяц, в круг сведя концы с концами.
Спи, ясный, поздно-праздно, в час и в ад
замкнут и эту музыкальну сушу.
Я слышу, как вокруг дрожат дома,
я по ночам намного лучше слышу.
А вижу хуже, я во мгле сижу,
пишу смолой алмазной по рутине.
Мне страшно. В кабинете, в книг саду
мне жизнь у жалоб голубя противней.
Не с рук творимый в Рюрикову Русь
и куликуя Дмитрия Мамаю,

2

Я повторяю по ветрам вопрос —
о то ли мое тело мое, мама?
Я болен, и дай руку мне на лоб,
на нем росы нет, вянет в новых, Господь,
на треть открою веко в мой народ:
на рынки носят литеры, в них голос.

Ум номерной на мир, и пламена
гудят в груди с мышлением солгать бы,
здесь люди, как чужие племена,
мне говорят другими голосами.
Я в книги кану с речью чересчур,
смерть самозванна — у народа власти,
отечество! тебя я не читал
такое! битвы этой не воитель.

3

Еще я напишу о том, стоямб,
о чем в очках пишу я, гладиатор:
у моря в Риме Ленинград стоял,
в нем Невский Конь стоял, как гладиолус.
А в ночи час, откуда ни возьмись,
по полю Марсову и так, и сяк я
хожу, святой, и хуже — василиск,
и новый наводнениям историк.
Я слышу меди хоботы, полки,
под эполет идущие и к шагу,
я вижу воды — белые платки
у волн, текущих от ноги к Кронштадту.
Мы, может быть, единственных пружин,
кому идет не в радость жизнь, а в ругань,

4

Всему тому я говорю прощай,
на вынос тел винясь в роду с другими.
Войди, звонарь, ударь в бетон: в Тибет,
у лир Урала в стол свисти, лишайник,
а Невский Конь живет и не бежит,
что держит? Медь? — твою в шинель, лошатник!

А Невский Конь стоит на двух ногах,
двумя другими в воздухе висит он,
как пес за уткой с дудкой наугад,
тяжелозадый всадник не по росту.
И скажут: этот медномордый монстр
Гомера, губы бантиком, как сокол,
имел он женский глаз и зверя ус,
как девица двухусая, скакал он.

10

Моя душа свободна и пуста,
с талантом и лопатой землекоп я.
Когда вокруг гармонию найдут
и я умру внезапно в год лазури,
идем за мной в клинический туннель
за смертью молний, убиенных в бури.
Или в Сибирь, собратья! В Ойкумен,
где смерть стоит у сердца, как читатель,
поэмой ямба год ознаменуй,
озолоти их, господин чистилищ.
Мне снится, как, мясисты от любви,
плывут по морю смерти с книжкой люди,
поднимут палец вверх большой: во был! —
вспоминая обо мне и дальше.

12

Ни родины, ни дарований нет,
никто на континенты не вернется.
Хоть бы не видеть! Но с высот смотря,
мы видим электрические реки,
их светлую бумагу, и заря
протягивает вишен полны руки.

Костры, и их огнем объят таган,
с картофелем свинина, лоб акулы,
а псы пасут легчайшее ягня,
шашлычное, с резным брильянтом лука.
Кровать, и простыни свежи, белы,
вот-вот бутылку вынут из комода,
и женщина под потолком любви
висит — горизонтальная Дамокла!

33

Я нить свою тяну из стран теней,
оттуда роза вянет больше, — годы! —
в шкафу, где с полной вешалки туник
выходят моли, золотые губы!
Хоть всюду счастье, все же жить тошней,
я шкаф рывком открою, книги правы!
Олеографий пыль от ног теней
на всех костюмах со всех стран Европы.
На старости язык от коз, типун,
и жены больше ль младости желанны?..
Но две руки войдут под свод теней,
отрубленные кем от девок женских?
А я смотрю, смертельно бел, в трюмо,
в нем черный лак магнитного рояля...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

фрагмент

Кто тонет, тот не так уж говорлив,
ну, две-три фразы, ритор, ну и... глубже...
Ах, море, море, омут голубой,
плывущее!

А я — идущий, глядя:
из вод изваянные, как в окне,
на дне у моря фараоны спят, а
на них валун лежит, на валуне
стоит по чайке, их двунога стойка.
И био-чайка Бельта ест и ест,
и с клювом рыбку рубит, как с кинжалом,
и если это души тех, Египт, —
«Прожорливые, — люди, — души», — скажут.
Отвечу: саркофаг на дне найди
и ляг в него, взгрустнется вдруг —
«еду б мне!» —
не ешь, иди шаг в шаг и в две ноги,
как пес у стоп — лежи, не лги и думай.
Будь фараоном, я бы тут же лег,
чтоб надо мною ножки-двойни...

Уж в глаз
бьют голубую чайку в лоб и влет
два ворона, тяжелые, как ужас.
Убили и упала, как в вине
лежит в волне и смеркнул синий уж глаз...

И вот идут, как нотные, ко мне
два ворона, тяжелые, как ужас.
Они идут по берегу волны,
как с копьями, как пьяные, как в шрамах,
как орды, воды пьющие волны,
как воры книг издания Рима — в шлемах.
Они идут в виду, как бы века
со временем, со жизнью, со любовью...

В ВОСЬМИ ЗЕРКАЛАХ

ШЕОП

Николай АСЕЕВ

Виктор Соснора привлек мое внимание и своими стихами, непохожими на обычные, часто печатаемые, и своей также необычной судьбой. Разорванное на клочки детство: родился в Алушке, попал ребенком в Ленинградскую блокаду. Затем был вывезен на Кубань, где, после долгих мытарств, оказался в партизанском отряде, уцелел чудом от карателей. Затем учение, такое же несобранное: первый класс в Махачкале, 2-й — в Ленинграде, 3-й и 4-й классы — в Архангельске, остальные — во Львове. Многое пришлось испытать мальчику, многое прошло перед его глазами, отразилось в сознании. Но, пожалуй, самое сильное впечатление осталось от жизни во Львове, где он увлекся чтением древнерусских летописей, которые дали прочное основание для словарного богатства стиха. Затем трехлетний срок службы в армии, сильно повлиявший на творческие замыслы. И наконец, с 1958 года по сей день Соснора — слесарь Невского машиностроительного завода имени Ленина в Ленинграде.

Стихи Виктора Сосноры, по моему мнению, должны порадовать всех любителей нашей поэзии. Виктор Соснора обладает своим голосом, который нельзя спутать ни с чьим иным. Голос этот бывает подчас резковат, но никогда не бывает банален, никогда не напоминает чужие, уже примелькавшиеся способы традиционного стиха. Соснору как поэту не сразу прочувствуешь, — как всякого поэта, не имеющего привычного стандарта поэтичности. Но зато, услышав те интонации, которые он находит для своих строк, заинтересуешься непохожестью их на ранее читанное и слышанное.

Второй раздел «Январского ливня», по-моему, самый важный в книге для понимания своеобразия дарования В. Сосноры. Это исторические стихи, написанные по мотивам «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». Они передают нестилизованное ощущение давних времен становления русских

начал, государственных и народных, становления культуры киевского периода: смуту и горе земли русской, ее дошедшие из дальнего далека подвиги и богатырство. В этих стихах нет подделки под старину, нет фальши и наигрыша; они естественно воссоздают события и эпизоды прошлого, лишь слегка опираясь на величайший наш литературный памятник «Слово о полку Игореве». Но далеко выходят эти стихи за рамки подлинника и широко раскрывают «обе полы времени» — того, давнего, и нынешнего, нашего.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Каждый поэт создает собственное отношение к миру — сейчас существующему или уже отступившему в прошлое. Знание мира, знание истории мы можем получить из собственного опыта (если это наша современность) или из данных науки (если это мир прошлого), но поэтическое истолкование мира мы можем получить только от поэта, писателя, художника, музыканта. Именно они дают нам то эмоциональное отношение к миру, без которого он теряет для нас интерес, оказывается мертвой схемой, утрачивает свою живую плоть, как бы дематериализуется.

Поэт подсказывает нам непосредственное восприятие мира, эмоциональное к нему отношение, обостряет ощущение реальности факта, эпохи. И это поэтическое отношение к миру настоящего или прошлого может быть современно, актуально, прогрессивно или оно может быть традиционным, отсталым, косным — независимо от того, о каком мире идет речь в поэзии: о мире современном или прошлом, о действительности социалистической, капиталистической или феодальной. Современность поэзии — это не столько современность темы, сколько современность поэтической интерпретации темы. Содержание поэзии — это по преимуществу истолкование фактов, современный взгляд на них.

До сих пор в нашем поэтическом отношении к Киевской Руси (а именно о ней по преимуществу говорит книга Виктора Сосноры) господствовали штампы и трафареты, созданные в свое время А. К. Толстым. Эти штампы и трафареты не только идеализировали государственные «свободы» Киевской Руси с позиций дворянского либерализма, не только создавали простенькие и чистенькие представления о древних русичах как о счастливых и беспечных «берендеях», живущих в обстановке социального мира, но и сочетались с различными мелкими красотами: вычурной речью древних русичей, их нарядно-оперной одеждой, степенностью и благоприличием быта.

В своем поэтическом представлении о Киевской Руси Виктор Соснора разрушает эти красоты, эти либерально-дворянские представления о социальном мире в Киевскую эпоху. Он стремится увидеть Русь в живой плоти — страдающей или по-простому радующейся, борющейся, материально-конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой.

Но сказать только, что восприятие Виктором Соснорой Киевской Руси лишено красотой А. К. Толстого, — это сказать слишком мало. Киевская Русь для Виктора Сосноры освящена ужасами Великой Отечественной войны. Он пережил в шестилетнем возрасте блокадную зиму Ленинграда 1941/42 г., он был вывезен из Ленинграда по Дороге жизни под пулеметным обстрелом с самолетов. Он очутился на Кубани и был со спасшей его бабкой захвачен немцами. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь.

Вот почему он знает, что такое половцы, знает, что такое Батый. И град Китеж для него не сладкозвучный и сладкоцветный рай, а партизанский лес и кубанское село, захваченное фашистами, в котором чудом, — чудом, вызванным к жизни силой духа, — сохраняется настоящая жизнь, несмотря на предательство и подлость отдельных трусов.

Киевская Русь Виктора Сосноры знает опыт нашей великой войны.

Соснора поэтически домысливает летописные сказания, «Слово о полку Игореве», «Сказание о граде Китже», «Задонщину», былины, — как бы продолжает их. Напрасно было бы требовать от Сосноры исторической точности во всем: он поэт, а не источниковед. Невозможно искать у него и лингвистическую чистоту, точные представления о русском быте Киевской поры, о материальной культуре того времени и пр. Любители находить исторические неточности могли бы найти в стихах Виктора Сосноры некоторую поживу. Но поэт не археолог, не лингвист, не историк литературы, не фольклорист, и пишет он не для того, чтобы в стихах сообщать исторические сведения. И тем не менее дух истории витает в стихах Сосноры. <...>

Н. Н. Асеев в своем письме ко мне 25 ноября 1961 г. писал о Сосноре: «...я рекомендую его Вам не как подражателя, а как открывателя совмещения в стихе древнего с сегодняшним, вводящим в словарь темы древности смелые говорные термины и интонации, вроде слов “завихренья”, “роба”, “взьерепенился”, “барахло”, “халупы”, от которых должны прийти в ужас пунктуальные слововеды, как от не свойственных древней лексике. А именно в том-то и прелесть этих стихов, что

они звучат сразу и по-славянски и по-русски, по-современному и по-давнему. Я посылаю Вам на пробу одно из таких стихотворений, в котором не только есть и вкус и цвет “обои пол времен”, но и любовь к языку, не формальная, а живая, речевая, современная, несмотря на то, что тема древнейшая». <...>

Поэт пишет о поэзии. Поэт пишет о поэтическом преодолении грубого быта на самой заре русской истории. Поэт обращается к истокам русской поэзии, как к началу, вечно сопутствующему истории русского народа.

Поэтический метод Виктора Сосноры во многом как бы воспроизводит эту основную идею его стихов. Его стихи рождаются из преодоления обыденной речи, из находок в самых недрах русского языка. Идеи рождаются у самых корней слов. Соснора вызывает из недр русского языка ассонансы, однокоренные и однозвучные слова, схожие звучания и дирижирует этим хором словесных созвучий так, что постепенно становятся ясными новые рожденные ими смыслы, новые поэтические ассоциации:

«...и Дон
до дна
ладонью
расчерпать!»

Соснора обыгрывает в этом своим поэтическим отклике на «Слово о полку Игореве» ассоциации, связанные с дном. Поэтические образы «Слова» становятся как бы свойствами самого русского языка, ощущаются его коренными особенностями, вечно с ним связанными. <...>

Поощряя В. Соснору к поэтическому переосмыслению «Слова о полку Игореве», Н. Н. Асеев писал: «А это было бы здорово хорошо, что современный молодой поэт продолжает великолепную живописность и силу старинного памятника» (там же).

Противопоставляя Русь В. А. Сосноры Руси А. К. Толстого, я не думаю, что Руси первого выпадет такой же успех, как Руси второго, и что у Сосноры найдутся такие же подражатели, как у А. К. Толстого. Русь А. К. Толстого могла перейти в оперу и живопись. Она могла стать такой же популярной, как оперная ария. Стихи Сосноры не создадут нового стиля восприятия Киевской Руси. Они не создают новый стиль восприятия эпохи, а разрушают существующие стилизации. Поэтому-то они и не смогут сами иметь подражателей. Но стихи Сосноры всегда будут заражать читателей своим стремлением увидеть в Киевской Руси вечно человеческое, близкое и нам, историческую обыденность, сквозь которую прорастает вечно зеленое дерево поэзии.

Нина КОРОЛЕВА

В то время, когда мы, его сверстники и товарищи, искали средств выразительности в рамках классического русского стиха, стремясь не столько к оригинальной звукописи и метафорическим сдвигам, сколько к тому, чтобы сформулировать гражданский лозунг или глубинную правду о современной жизни народа и о себе как части этого народа, Соснора шел путем Маяковского, Хлебникова, Асеева, Крученых, Кирсанова. За его стихом ощущался огромный багаж авангардной культуры, а также — русского раешника, былинного рассказа, воинской повести и озорной частушки. Чтобы сказать свое, продуманное и выстраданное, поэт смело опирался на чужой образ или чужую строку, дерзко, но и обдуманно совершал усвоение (присвоение) «чужого», развивал (осовременивал) привычный читателю смысл и стиль, совершая кульбиты, выворачивая этот смысл наизнанку, иногда травестируя — иронизируя по его поводу, иногда философски раздвигая его.

Поток творческого сознания автора, точнее — лирического героя, которого поэт наделял точными автобиографическими чертами, делал цельными его разрозненные книги. Поэт говорил о себе как о наследнике разнонациональных кровей, враждующих исторических сил и личностей. <...>

Поэтому так неспокойна судьба лирического героя Сосноры, — он восходит на костры, как Джордано Бруно, он говорит о себе: «Я всадник. Я воин во все времена». Он призывает: «Когда от грохота над морем / бледнеют пальцы и лицо, / гребни, товарищ, — в мире молний / необходимо быть гребцом!» И в то же время — «Я всадник. Я воин. Я в поле один». Одиночество сражающегося за правду, одиночество пишущего Поэта — это данность, и как результат — нищета, материальная, а не духовная, потому что духовно поэт, остающийся честным, — богат. И еще — у него остается его богатство — родина по крови, многонациональная, расширяющаяся до всей земли с ее историей, до всего мироздания, космоса. «Ничего нет у меня — / ни иллюзий и ни корон, / ни кола и ни коня, / лишь одна родина — кровь».

Яков ГОРДИН

Есть категория поэтов, для которых, однако, леса важнее стен. К этой категории принадлежит Соснора. Процесс строительства важнее окончательного результата. Если продолжать сравнение — возводимое Соснорой здание напоминает брейгелевскую Вавилонскую башню: вершина уже скрывается в облаках, стены мощны, но не стройностью, а хаосом веет от картины, открывающейся нам. Это не оценка, это констатация.

Андрей АРЬЕВ

Виктор Соснора — вот кто «награжден каким-то вечным детством». Духовидец-эквилибрист, с младенчества он работает без сетки, и видение сетей — теневой образ его поэтического бессознательного, «молчащего без сетей», как он обмолвился в «Разговоре со свечой».

С русской мистической традицией поэт связывает себя едва ли не ребяческими узами и феномен собственного сочинительства рассматривает как «аномалию детства», звуки и краски которого первенствуют в работе художника.

С детством и отрочеством поэта страна советов и наставлений не справилась. Заглушаемая ею онтологическая система отечественного умозрения профильтровалась через решето запретов в первые же стихи Сосноры, дав им живительный импульс. Сюжеты из древней русской литературы и фольклора, философский утопизм федоровского типа и наследующий ему русский, увенчанный Цветаевой футуризм сплелись у Сосноры в антиномичное эстетическое целое, не упорядоченное и не сглаженное «зрелостью». Доминантой для этой эстетики является представление о «превосходстве метафоры над логикой». Художественная речь Сосноры есть мощное оружие спонтанной духовидческой фантазии, пропущенной через воображение младенца. <...>

Мы подозреваем: и сам поэт не всегда растолкует, что пронеслось ураганом с молниями сквозь его строчки, сам заплутает в чуть тронутых рассветом потемках их смысла. Но такова его поэтическая задача: обнаружить то, чего мы

не знаем, то, что в нас лишь теплится и что никем не явлено. «Поэма потеряна; я говорю повторима», — убеждает себя и нас Соснора. То есть, повторяя, мы не умножаем, а теряем. Здравому смыслу это противоречит, но не противоречит — поэтическому. Поэзия есть очищение бытия путем выметания из него здравого смысла. Орудие этой чистки — метафора, проще говоря — трюк, позволяющий рассматривать общее как частное, универсальное — как единичное, примелькавшееся — как неповторимое. <...>

Запечатленная в языке поэтическая фантазия раскрывает идеальную потенцию жизни — в ущерб материальной. И здесь Соснора категоричен. «Цель материализма — унизить», — утверждает он, энергично и оригинально расшифровывая эту максиму: «Атеисты кричат, что нужно что-то делать для людей; они принимают людей за скотину, которая ничего для себя не может сделать».

Что ж, и впрямь — одной земной жизнью не утешься. Особенно в России. «Холодно и лживо на земле», — говорит Соснора. Но как художник думает и видит иначе: «Снег идет, как свет». <...>

Нужно «разучиться» читать (тем более пренебречь современной наукой быстрого чтения), чтобы научиться понимать речь Сосноры. Магические преимущества ее очевидны: она преобразует наши ощущения, помогает увидеть, что живем мы не в унылой тиражированной «реальной действительности», а в неведомом «прекрасном и яростном мире» (Андрей Платонов как художник делал ту же работу, что и Соснора, а раньше их обоих — Хлебников). Обращаясь к этим художникам, с резкой отчетливостью понимаешь, что такое поэтический язык, в одно мгновение наполняющий душу неведомым прежде, но истинным смыслом. Это самое важное в поэзии — истина в ней соотносится с неповторимостью.

Конечные цели в искусстве неведомы, как и в жизни. Так что в этом смысле пленительная и раздражающая воображение связь искусства с жизнью просматривается. Однако и не больше того. Когда нам все станет ясно, поэзия умрет. Но именно поэзия и не допустит, чтобы нам все и навсегда стало ясно.

Александр СКИДАН

Инверсия на всех уровнях, от синтаксиса до семантики, (псевдо)переверт-ни, эллипсисы, ассонансы, взрывающийся архаикой гипертрофированный аллитерационный стих, восходящий к сложнейшей поэзии скальдов, хендингам, с их исключительно строго регламентированными внутренними рифмами и количеством слогов в строке, «тесной метрической схемой» и «характерной синтаксической структурой», не имеющей аналогов в мировой литературе — отдельные предложения могут втискиваться друг в друга или переплетаться, образуя как бы одну «рваную» бесконечную фразу-слово — вот фирменный ору-дийный стиль двух последних — перед долгим молчанием — книг Сосноры. Книг, стремящихся испепелить идиому, рвущихся в заумную речь, исполненных великолепной свободы, разбойного посвиста, черного эротизма — и скорби. Аутодафе, холокост языка.

Владимир НОВИКОВ

Опираясь на творческий опыт русского поэтического авангарда (прежде всего В. Хлебникова), Соснора разработал в высшей степени оригинальную художественную систему, сочетающую предельную свободу самовыражения со сверхличным ощущением трагизма бытия, раскованность языковых экспери-ментов со строгим ощущением меры и гармонии, беспримерную для русской литературы 1960—1990-х годов семантическую сложность с пронзительной эмоциональностью. Он творчески трансформирует всю систему языка — от фонетики и графики до синтаксиса и пунктуации. За всеми стилевыми «стран-ностями» и «причудами» стоят стройность авторского взгляда на мир и отчетли-вый облик лирического героя.

Весь поэтический опыт Сосноры подтверждает сформулированный им еще в начале пути творческий принцип:

А требовалось так немного:
Всего-то навсего — дышать...

Поэтические книги ВИКТОРА СОСНОРЫ

Январский ливень. — Л.: Советский писатель, 1962. — Предисл.

Н. Асеева.

Триптих. — Л., 1965.

Всадники. — Л., 1969. — Предисл. Д. С. Лихачева.

Аист: Стихи. — Л.: Советский писатель, 1972.

Кристалл: Стихи. — Л.: Советский писатель, 1977.

Стихотворения. — Л., 1977.

Песнь лунная. — Л.: Советский писатель, 1982.

Избранное. — Анн Арбор: Ардис Паблишинг, 1987.

Возвращение к морю. — Л.: Советский писатель, 1989. —

Предисл. Я. Гордина.

37. — СПб., 1993.

Ремонт моря: Сцены. — СПб.: Б-ка альм. «Петрополь», 1996.

Верховный час. — СПб.: Петербургский писатель, 1998.

Куда пошел? и где окно? — СПб.: Пушкинский фонд, 1999; 2006.

Флейта и прозаизмы: Книга стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2000.

Девять книг. — М.: НЛО, 2001.

Двери закрываются: Книга стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Поэмы и ритмические рассказы. — М.: Б-ка ж-ла «Футурум АРТ», 2005.

Стихотворения. — СПб.: Амфора, 2006. — Сост. С. Степанов.

Больше стихов не будет. — М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2007.

Последняя пуля. — СПб.: Азбука-классика, 2010.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

*Жюри Российской
национальной премии «Поэт»*

Дмитрий Петрович Бак
критик, профессор,
проректор РГГУ

Николай Алексеевич Богомолов
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературной критики МГУ

Сергей Маркович Гандлевский
лауреат национальной премии «Поэт»
2010 года

Яков Аркадьевич Гордин
писатель, историк, соредактор
журнала «Звезда» (Санкт-Петербург)

Тимур Юрьевич Кибиров
лауреат национальной премии «Поэт»
2008 года

Александр Семенович Кушнер
лауреат национальной премии «Поэт»
2005 года (Санкт-Петербург)

Александр Васильевич Лавров
доктор филологических наук, профессор,
академик РАН (Санкт-Петербург)

Инна Львовна Лиснянская
лауреат национальной премии «Поэт»
2009 года

Самуил Аронович Лурье
писатель, критик (Санкт-Петербург)

Андрей Семенович Немзер
критик, профессор Высшей школы экономики

Олеся Александровна Николаева
лауреат национальной премии «Поэт»
2006 года

Владимир Иванович Новиков
критик, писатель,
доктор филологических наук, профессор МГУ

Ирина Бенционовна Роднянская
критик, член редколлегии журнала
«Новый мир»

Сергей Иванович Чупринин
доктор филологических наук, профессор,
главный редактор журнала «Знамя»

Олег Григорьевич Чухонцев
лауреат национальной премии «Поэт»
2007 года